

Е. П. Сергун*

К вопросу о соотношении экстремизма и правового нигилизма

В последнее время в российских юридических научных источниках получает дальнейшее распространение интересное, но, на наш взгляд, не достаточно аргументированное и нуждающееся в последующем переосмыслении предположение о том, что экстремизм следует рассматривать как форму или проявление правового нигилизма. Намеченная тенденция одинаково характерна как для теории и истории права и государства, так и для уголовного права и криминологии. Например, И. Н. Сенин отмечает: «Экстремизм — форма нигилистического отрицания охраняемых государством общественных отношений, направленная на их дестабилизацию и разрушение, проявляющаяся в виде идей и действий, связанных с применением или угрозой применения насилия. ... Таким образом, правовой нигилизм и экстремизм соотносятся как общее и частное. При этом экстремизм выступает одной из форм проявления правового нигилизма»¹. «По своей сути политический экстремизм — это всегда проявление правового нигилизма», — утверждает Р. А. Адельханян². По мнению Н. И. Матузова, «в крайних своих проявлениях он (нигилизм. — Е. С.) смыкается с различными анархическими, лево- и праворадикальными устремлениями, максимализмом, большевизмом и необольшевизмом, политическим экстремизмом»³.

Встречаются и такие определения экстремизма, согласно которым его отличие от правового нигилизма представляется недостаточно ясным. Так, А. И. Алексеев понимает экстремизм как приверженность к крайним взглядам и мерам в общественном бытии и сознании, как способ отрицания общественных норм⁴. Схожую позицию занимает Н. В. Степанов, который рассматривает экстремизм как «радикальное отрицание социальных норм и правил, основанное на приверженности к крайним взглядам и действиям»⁵. Поскольку правовые нормы являются разновидностью социальных норм, сущность экстремизма можно свести в том числе к негативному, неуважительному отношению к праву — правовому нигилизму, а в более широком смысле (если иметь в виду отрицание общественных норм в целом) — нигилизму как социальному явлению. Вместе с тем однозначность такого вывода, а равно суждения об экстремизме как о форме (проявлении) правового нигилизма вызывает, по нашему мнению, некоторые сомнения. Рассмотрим вопрос о соотношении экстремизма и правового нигилизма с несколько иных теоретических позиций.

Основную роль в решении поставленной задачи, безусловно, играет правильное и точное научное определение ключевых понятий. Если понимание правового нигилизма в целом не вызывает значительных затруднений в теоретико-правовой

* Докторант кафедры уголовного права и криминологии Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации (г. Москва), кандидат юридических наук.

¹ Сенин И. Н. Экстремизм как форма правового нигилизма в современной России (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 7–8.

² Адельханян Р. А. К вопросу о социальной и уголовно-правовой природе экстремизма // Вестник Российской правовой академии. 2011. № 3. С. 7.

³ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М., 2001. С. 255.

⁴ См.: Алексеев А. И. Криминология : курс лекций. М., 1999. С. 331.

⁵ Степанов Н. В. Криминологические проблемы противодействия преступлениям, связанным с политическим и религиозным экстремизмом : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 8.

и государственно-правовой области, то относительно толкования экстремизма существует множество подходов, выбор которых нередко зависит от конкретной области научного знания и даже политико-правовой специфики того или иного государства. Не вдаваясь в настоящей статье в фундаментальное исследование сущности экстремизма, ограничимся его базовым междисциплинарным определением, сформулированным нами в результате изучения данного феномена на протяжении нескольких лет. По нашему мнению, в современной российской политологии, теории и истории права и государства, науке уголовного права и криминологии *под экстремизмом можно понимать нетерпимость к демократии как идеологическому фундаменту конституционного строя Российской Федерации, характеризующуюся внутренней готовностью к активным действиям, направленным на дезинформирование общества и провоцирование антиправительственных, революционных настроений, разжигание социальной нетерпимости в сепаратистских, религиозно-фундаменталистских и иных целях, насильственный захват власти с последующим нелегитимным изменением основ конституционного строя Российской Федерации, а равно легальный приход к власти посредством идеологической пропаганды и соответствующей политической манипуляции общественным сознанием для обеспечения формальной легитимности вводимого в стране антидемократического режима*¹. Исходя из вышеизложенного понимания экстремизма, применительно к рассматриваемой проблеме можно сделать следующие выводы.

Во-первых, если правовой нигилизм традиционно рассматривается как противоположность правовой культуры², то экстремизм согласно нашим представлениям — это прежде всего противоположность политической культуры в ее *позитивном* социальном понимании или, иными словами, в самом общем смысле он отличается несоответствующими подлинным ценностям, интересам и потребностям общества воззрениями на определенную политическую систему. Под политической культурой принято понимать «устойчивое содержание политического сознания, сложившиеся взгляды, ценностные ориентации, установки, образцы поведения, характеризующие восприятие и поведенческую реакцию людей на различные политические явления»³. Полагаем, в этом смысле экстремизм возможно толковать как негативное, деструктивное состояние политической культуры.

Во-вторых, экстремизм разумно, на наш взгляд, рассматривать как *антипод исключительно демократической политической культуры*⁴. Его особенность состоит в том, что он противостоит демократии, опираясь при этом на псевдолегитимное толкование демократических конституционно-правовых принципов, т. е. является своего рода естественным паразитом демократических правовых систем,

¹ См.: Сергун Е. П. Научно-теоретические вопросы в сфере уголовно-правовой охраны конституционного строя Российской Федерации. М. ; Саратов, 2011. С. 57. См. также: *Его же*. Экстремизм в российском уголовном праве (теоретико-дедуктивный подход). М. ; Саратов, 2009. С. 50.

² См.: Рассолов М. М. Теория государства и права : учебник для вузов. М., 2010. С. 628.

³ Пугачёв В. П. Политология. М. ; Владимир, 2010. С. 474.

⁴ Так, В. Д. Перевалов отмечает, что в зависимости от типов политических систем можно выделить *тоталитарную, авторитарную и демократическую политическую культуру*. В рамках последней осуществляются политические права и свободы граждан, создаются гарантии их обеспечения, демократические механизмы формирования убеждений и представлений, преодоления конфликтов и разногласий. См.: Политология : учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 304.

существующим на их абстрактной и неопределенной философской основе¹. Так, по мнению германского политолога Ханс-Герд Яшке, демократии без экстремистских течений точно так же труднообразимы, как и общество без преступности. Экстремизм является одним из наиболее выраженных патологических компонентов современных демократических обществ². Напротив, возможность существования правового нигилизма, равно как и правовой культуры, по нашему мнению, не находится в прямой зависимости от конкретной формы политической организации общества и государства, политического режима.

В-третьих, по указанным основаниям нетерпимость к демократии как идеологическому фундаменту конституционного строя Российской Федерации, а равно непризнание основополагающих принципов демократического правового государства вряд ли обоснованно считать свойством правового нигилизма, тем более важнейшим. Как отмечает Н. И. Матузов, сущность последнего — «в общем негативно-отрицательном, неуважительном отношении к праву, законам, нормативному порядку, а с точки зрения корней, причин — в юридическом невежестве, косности, отсталости, правовой невоспитанности основной массы населения. ... Одним из ключевых моментов здесь выступает надменно-пренебрежительное, высокомерное, снисходительно-скептическое восприятие права, оценка его не как базовой, фундаментальной идеи, а как второстепенного явления в общей шкале юридических ценностей...»³. Однако экстремизм — это не столько *антиправовые*, сколько *антидемократические*, *антиконституционные* установки. Роль права как эффективного государственного регулятора общественных отношений в условиях авторитарного (тоталитарного, фашистского, деспотического и т. п.) политического режима в большинстве случаев не умаляется экстремистами. Кроме того, авторами (разработчиками) основных экстремистских идеологий (в частности, троцкизма, сталинизма, маоизма, национал-социализма и т. д.) в основном являлись люди, которых неразумно упрекнуть в «юридическом невежестве» или «правовой невоспитанности».

В-четвертых, прямые преднамеренные нарушения действующих законов и иных нормативных правовых актов, а также повсеместное несоблюдение и неисполнение юридических предписаний, свойственные правовому нигилизму⁴, не являются ключевыми признаками экстремизма. Последний — только приверженность определенному социально-политическому мировоззрению и внутренняя готовность к активной деятельности, направленной на претворение в действительность данной системы взглядов. Противоправные формы (проявления) экстремизма охватываются иным понятием — экстремистская деятельность. В связи с этим экстремизм некорректно, на наш взгляд, рассматривать как форму правового нигилизма уже потому, что правовой нигилизм не существует как негативный социальный феномен в отрыве от свойственных ему общественных проявлений.

Кроме того, на «бытовом» локальном уровне, когда речь заходит, например, о противоправной деятельности лево- и правозэкстремистских неформальных молодежных объединений, очевидное пренебрежительное отношение в целом к существующему позитивному праву, конечно, имеет место, но, по нашему мнению, оно

¹ См.: Сергун Е. П. Научно-теоретические вопросы в сфере уголовно-правовой охраны конституционного строя Российской Федерации. С. 60.

² См.: Jaschke H.-G. Politischer Extremismus. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, GWV Fachverlage GmbH, 2006. S. 12.

³ Матузов Н. И., Малько А. В. Указ. соч. С. 257.

⁴ См.: Там же. С. 260.

является логическим следствием более широкого отрицания — действующей политической системы. Обыденное «хулиганское» несоблюдение юридических норм не есть самоцель экстремистов. Напротив, как показывает практика, идеализированные конституционно-правовые принципы, в числе которых идеологическое (политическое) многообразие и многопартийность (ч. 1 и ч. 3 ст. 13 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.), свобода мысли и слова, а также средств массовой информации (ч. 1 и ч. 5 ст. 29 Конституции РФ), свобода деятельности общественных объединений (ч. 1 ст. 30 Конституции РФ), проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирований (ст. 31 Конституции РФ), гарантии избирательных прав и участия в управлении делами государства (ст. 32 Конституции РФ) и другие, нередко осознанными и заранее продуманными методами используются экстремистами в качестве легального «прикрытия» и юридического оправдания деятельности своих организаций и общественно-политических движений. Очевидно, что открытое использование средств правового нигилизма в оппозиционно-политической деятельности не позволит экстремистам заручиться идеологической поддержкой большей части населения страны и с учетом строгости действующего в России антиэкстремистского законодательства подобное подстрекательство в конечном итоге завершится для них лишь обвинительным приговором суда.

В-пятых, правовой нигилизм — это явление в целом ситуативное, дезорганизованное и по сути никем не управляемое, не имеющее ярко выраженной политико-идеологической концепции, свойственной экстремизму. Не существуют как таковые «нигилистические организации» и антиправовые общественные движения в «чистом» виде. Сами по себе правовой скепсис и правовой цинизм не несут в себе какой-либо программы по преобразованию или ликвидации существующей общественно-политической системы, потому что правовой нигилизм — это всего лишь специфичное *состояние правосознания*, а не *политическая доктрина*.

Благоприятная почва для роста правового нигилизма — кризисное состояние общества, в то время как главным условием распространения экстремизма является убежденность общества в «правоте», «справедливости», «эффективности» или «целесообразности» той или иной навязанной ему экстремистской идеологии — системы мировоззренческих представлений, враждебных и прямо противоположных ключевым принципам демократии¹. Так, в Германии значительно более высокий по сравнению с Россией уровень социально-экономического развития страны, правовой культуры общества и соответственно более низкий уровень преступности. Вместе с тем проблема левого и правового экстремизма в названном государстве относится к числу наиболее приоритетных и с каждым годом вызывает все большие опасения.

Соответственно и основные пути преодоления правового нигилизма и экстремизма, по нашему мнению, различны. В первом случае необходимо комплексное *правовое воспитание*, во втором — *политико-идеологическое воспитание* общества.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что экстремизм, как и правовой нигилизм, допустимо рассматривать как разновидность *социального нигилизма*. Вместе с тем не достаточно оснований утверждать, что экстремизм представляет собой форму (проявление) именно *правового нигилизма*. Полагаем, что экстремизм логичнее понимать все же в качестве антипода не правовой, а демократической политической культуры.

¹ См.: Сергун Е. П. Экстремизм в российском уголовном праве (теоретико-дедуктивный подход). С. 48.